

и основана аналогия). Это последнее мнение А. Н. Насонова существенно укрепляет наши позиции.

Из сказанного в работе нельзя определить, применена аналогия в узком или более широком значении. Если она только подкрепляет примером возможность того предположения, что житие Михаила открывало собой свод Бориса Александровича, из которого списал его компилятор второй части Тверского сборника и поместил под 1402 г., то мы согласны с этим. И это предположение будет только еще более вероятным, если мы будем усваивать своду Бориса Александровича другой объем, содержание и состав, нежели те, которые усваивает ему А. Н. Насонов в работе 1930 г., и считать, что следы этого свода сохранились более в «Слове инока Фомы», нежели в Тверском сборнике. Действительно, и по содержанию своему, и по стилю «Повесть о Михаиле» Тверского сборника более сходна со «Словом инока Фомы» и сохранившимся в нем летописным отрывком, нежели с летописным текстом, окружающим «Повесть» в Тверском сборнике.¹¹⁷

Но если аналогия проводится на всю картину работы компилятора второй части Тверского сборника и имеется в виду, что, подобно составителю Синодального списка Псковской летописи, он имел дело не с двумя, а с одним летописным источником, материал которого он только сокращал и перемещал, то на этом следует остановиться особо. В таком случае основной летописный материал Тверского сборника окажется равнозначным «Летописцу княжения Тферскаго» — своду Бориса Александровича, в котором компилятор нашел и «Повесть» — «Предисловие». В этом случае фраза-ссылка могла принадлежать компилятору: писец, поставивший «Предисловие» в середину того же свода, к которому оно принадлежало и раньше, сослался здесь на оказавшийся переписанным им выше материал того же свода. Но всему этому противоречит то обстоятельство, что в описанном случае для писца просто невозможно было бы допустить то повторение летописных известий, которое имеется в Тверском сборнике.

В самом деле, фраза «начнем о их же начахом» — свидетельство того, что написавший ее писец в процессе делавшегося им разрыва «Повести» и вставки ее двумя отдельными частями из свода, в котором она была, в текст другого, списывавшегося им свода, допустил повторение летописных известий. Картина работы компилятора, нарисованная А. А. Шахматовым и в 1930 г. А. Н. Насоновым, верна как раз в том отношении, что компилятор должен был иметь дело одновременно с двумя источниками, а не с одним. И ссылка «начнем о их же начахом» говорит о том, что, прежде чем ее написать, компилятор посмотрел то место, где он уже писал о вокняжении Ивана под 1399 г. либо по своему уже написанному тексту, либо по тексту своего источника. Если бы он имел дело с одним списываемым источником, то в обоих случаях он бы заметил, что при этом им были уже написаны летописные известия 1399 г. (о взятии Нижнего) и 1400 г. Таким образом, точка зрения А. А. Шахматова и точка зрения А. Н. Насонова, высказанная в 1930 г., делают необъяснимой фразу-ссылку, точка зрения А. Н. Насонова 1946 г. делает необъяснимой повторение летописных известий.

Утверждение, что именно написавший фразу-ссылку разорвал «Повесть» на две части и переставил их в обратном порядке, подкрепляется наблюдениями над двумя фразами, следующими за ссылкой. Написав, что

¹¹⁷ Может быть, даже свод Бориса Александровича и не содержал вовсе описания времени Михаила Александровича, которое заменялось в нем открывавшей его «Повестью о Михаиле», после которой шло изложение времени княжения Ивана Михайловича